

В. В. Хорина

О РОЛИ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА В ИЗУЧЕНИИ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ (ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX – НАЧАЛО XX В.)

В последней четверти XIX – начале XX в. наиболее образованная часть духовного сословия Енисейской губернии, не ограничивая свою деятельность только служебными обязанностями, достаточно активно участвовала в научном исследовании Сибири. В статье проанализирована роль православного духовенства в изучении Енисейской губернии, тематика исследований священников и миссионеров и их вклад в изучение местной истории, этнографии и археологии.

Ключевые слова: *Енисейская губерния, изучение Сибири, православное духовенство в Сибири, научная деятельность православного духовенства, Енисейское церковно-историко-археологическое общество.*

До самого недавнего времени вопрос о роли духовенства в изучении Сибири не являлся предметом специального исследования. Авторы публикаций, посвященных общественной и профессиональной деятельности сибирского духовенства, касались отдельных аспектов просветительской, миссионерской, благотворительной деятельности духовного сословия, его быта и образа жизни, даже не упоминая об его участии в научной деятельности [1]. На сегодняшний день лишь несколько авторов в той или иной степени осветили проблему участия священников и миссионеров Восточной Сибири (в том числе Енисейской губернии) в исторических, этнографических, археологических и других исследованиях российских и сибирских научных обществ и местных сибирских музеев: А. С. Вдовин, Л. К. Дрибас и Л. Н. Харченко [2–4]. Данная статья является попыткой проанализировать вклад местного духовенства в изучение Енисейской губернии в последней четверти XIX – начале XX в.

Главным источником, позволяющим достаточно подробно раскрыть многие аспекты внеслужебной деятельности духовного сословия Енисейской губернии, являются «Енисейские епархиальные ведомости», выходившие в Красноярске с 1884 по 1919 г. и публиковавшие, кроме официальных церковных циркуляров и распоряжений, статьи местного духовенства о церковной истории, о верованиях и обычаях сибирских инородцев, документы из местных церковных архивов, заметки из педагогической практики церковно-приходских школ губернии и т. д.

Нужно особо отметить, что духовенство Енисейской губернии, составляя весьма незначительную часть населения (0.5 %), отличалось наиболее высоким уровнем образования. Процент грамотных в среде местного духовного сословия составлял по данным переписи 1897 г. более 71 % к его общему числу (для сравнения: среди городских сословий – мещан и купечества – 40 %, среди крестьянства и казачества – только 10 %). Около 1.5 %

представителей духовного сословия губернии получили высшее университетское образование, 75 % мужчин духовного звания имели образование выше начального, окончив хотя бы несколько курсов духовной семинарии, духовное училище, гимназию или прогимназию [5, с. VIII]. В дальнейшем уровень образования губернского духовенства только рос. В 1900 г. в Красноярске высшее образование имели 14.7 % общего числа священников. Оконченное же среднее образование было у 40 % представителей приходского духовенства губернии [3, с. 15].

Высокий, по сравнению с другими сословиями губернии, образовательный уровень и часто более широкий культурный кругозор духовенства создавал для его представителей мотивацию к участию в культурно-просветительской и научно-исследовательской деятельности. Немаловажным побудительным мотивом к занятию делами, не связанными с непосредственными служебными обязанностями, было, вероятно, и стремление реализовать собственные интересы и склонности, а также возможность с пользой применить наблюдения, полученные в процессе многолетней профессиональной деятельности.

Это стремление поощрялось и церковными властями: еще в 1864 г. Святейший Синод порекомендовал создавать в епархиях собственные архивные комиссии, в 1866 г. – заводить церковно-приходские летописи, в 1868 г. – составлять церковно-исторические и статистические описания епархий и т. д. Светские научные общества тоже нередко обращались к духовенству за помощью в организации и проведении тех или иных исследований, сохранении памятников истории и культуры. Так, в 1886 г. Императорская археологическая комиссия обратилась через епархиальное начальство с просьбой к сельским священникам «оказывать помощь в сохранении отечественных древностей от бесследного уничтожения». Соответствующее письмо было отправлено в том числе и епископу Енисейскому и Красноярскому Тихону [2, с. 206].

Подобные призывы обычно находили у духовенства понимание и живой отклик. В 1888 г. епископ Тихон, получив от Московского археологического общества просьбу о содействии в сборе сведений для составления губернских археологических карт, незамедлительно приказал отпечатать в «Енисейских епархиальных ведомостях» вопрошные пункты, приложенные в обращении общества [6, с. 133–136].

Данные исследования Л. К. Дрибас позволяют сделать вывод, что той или иной научной деятельностью на рубеже XIX–XX вв. была занята почти $\frac{1}{5}$ духовенства Красноярска [3, с. 21]. Протоиереи и священники нередко состояли сотрудниками Красноярского подотдела ВСОИРГО и Енисейского губернского статистического комитета. Так, членами Красноярского подотдела РГО были сам епископ Енисейский и Красноярский Евфимий, ректор Красноярской духовной семинарии Н. П. Асташевский, редактор «Енисейских епархиальных ведомостей» К. А. Успенский и др. С Енисейским статистическим комитетом сотрудничали священник Богоявленского собора в Енисейске, законоучитель енисейской мужской прогимназии Д. Евтихий, священник Красноярского Воскресенского собора и казначей епархиального училищного совета И. Рязанский, миссионер, архимандрит Туруханского Троицкого монастыря М. И. Суслов и т. д. Нередко одно и то же духовное лицо трудилось в нескольких научных обществах: протоиерей В. Д. Касьянов являлся сотрудником ВСОИРГО и постоянным членом Енисейского статистического комитета, протоиерей С. П. Троицкий тоже был одновременно членом Красноярского подотдела РГО и статистического комитета.

Приходские священники часто становились краеведами в силу специфики своей службы – они хорошо знали местную историю, народные обычаи и фольклор, хранили церковные архивы и старинные предметы. Музеи и частные коллекционеры нередко обращались к ним для пополнения своих коллекций. Ф. Я. Кон в «Историческом очерке Минусинского местного музея» приводит список жертвователей (около 100 человек), передавших в музей различные предметы древности, упомянув среди них протоиерея Г. Бенедиктова, свящ. Е. Новоладовского, Г. Олофинского, К. Либутского и других [7, с. 223–254].

В 1884 и 1885 гг. А. В. Адрианов, занявшись составлением археологической карты, разослал в разные районы Западной и Восточной Сибири свою брошюру «Курганогрaфия Сибири» – инструкцию по сбору археологического материала и описанию древностей. Среди его адресатов были и приходские священники Енисейской губернии [8, с. 176].

Были случаи, когда сельские священники, хорошо знавшие свой приход, оказывали помощь научным экспедициям, информируя об интересных объектах истории и археологии, имеющихся в приходе. Например, сведения, сообщенные местным священником, внесли достаточно серьезные изменения в маршрут финской экспедиции Й. Аспелина (1887–1888 гг.) [9, с. 1].

Центральные и местные статистические службы (и в первую очередь, конечно, Енисейский губернский статистический комитет) тоже весьма нередко привлекали приходских священников в качестве «добровольных статистиков», как людей, наиболее осведомленных в местных вопросах и способных грамотно и подробно заполнить опросные листы, статистические анкеты и прочее [10, с. 35].

Многие священники, интересовавшиеся этнографией сибирских народов, имели многолетний опыт миссионерской деятельности, зная предмет своего исследования на практике. Это вполне закономерно, поскольку миссионерская работа являлась частью профессиональных обязанностей духовенства. Задачи распространения православного вероучения среди инородцев требовали его простого и понятного изложения для просвещаемых народов, что предполагало изучение их обычаев, традиций, обрядов, а также знание основ языка. Наиболее значительный вклад в изучение этнографии коренных народов Енисейской губернии внесли священники М. И. Суслов, Н. А. Путилов и Н. А. Орфеев.

М. И. Суслов – наиболее яркая фигура среди миссионеров Енисейской губернии. Уроженец губернии, выходец из семьи сельского дьячка, он учился в Красноярском духовном училище, но не окончил курса. С 1861 г. служил в разных приходах Енисейской епархии, в 1877 г. стал главным священником Туруханского Преображенского собора. В 1901 г. Михаил Суслов постригся в монахи под именем Макарий и был назначен настоятелем Туруханского Троицкого монастыря, а через 12 лет – его архимандритом [11, л. 2].

Одновременно с миссионерской и просветительской деятельностью в Туруханском крае М. И. Суслов занимался научной работой. В течение долгого времени наблюдая быт, обычаи, традиции и верования местных северных народов, он составил русско-тунгусский словарь и словарь тазовских остяков – селькупов, применение которых на практике весьма способствовало сближению русских с местным коренным населением [12]. Отчеты Суслова епархиальному начальству всегда носили более этнографический, нежели религиозный характер. В «Енисейских епархиальных ведомостях» публиковались его миссионерские дневники, в которых Суслов описывал свои этнографические наблюдения [13].

Одним из первых миссионеров среди сойотов (тувинцев) стал переехавший в 1856 г. в Сибирь московский мещанин Н. А. Путилов. В 1874 г. он обратился к епископу Енисейскому и Красноярскому Антонию с просьбой направить его добровольным миссионером на р. Ус, а в 1879 г. принял священнический сан. За 10 лет своей деятельности среди сойотов Путилов собрал немало интересных этнографических сведений, многие из которых позже были опубликованы в «Енисейских епархиальных ведомостях» и минусинском журнале «Сибирский архив» [14].

В тех же «Енисейских епархиальных ведомостях» регулярно публиковал свои этнографические заметки священник Аскызской Петропавловской церкви Николай Орфеев. Его интересовали многие вопросы жизни, быта и верований минусинских инородцев – хакасов: их занятия, жилища и пища, брачные и похоронные обряды, фольклор, духовная жизнь, в том числе религиозные верования, суеверия и предрассудки [15]. Этнографические исследования народов, населявших Енисейскую губернию, оставили также священники М. Александров, Ф. Катанов, П. Тыжнов [16].

Таким образом, можно утверждать, что духовенство Енисейской губернии, осуществляя миссионерскую деятельность, смотрело на нее шире, чем просто на исполнение своего пастырского долга, видело в ней поле для более широкой деятельности. Изучая историю края, сберегая уникальные памятники старины, просвещая коренное население, духовенство выходило далеко за узкие рамки своей сословно-профессиональной деятельности, что создавало предпосылки для его дальнейшей интеграции с другими социальными группами.

Активизация научно-исследовательской деятельности духовенства привела к потребности в ее координации и определении приоритетных направлений в исследованиях. Логичным результатом стало создание церковных научных обществ, комитетов и комиссий в целях изучения истории епархий. После специального указа Святейшего Синода от 25 июня 1911 г. практически во всех российских православных епархиях, в том числе сибирских, были созданы церковно-археологические общества и церковно-исторические комитеты [2, с. 209].

«Енисейские епархиальные ведомости» оперативно отреагировали на указ Синода заметкой, суть которой была в том, что «...следовало бы отзываться сочувственно к этому доброму делу. Церковно-археологическое общество могло бы принести большую пользу в деле изучения истории и вообще старины нашей епархии» [17, с. 5–7]. 11 марта 1912 г. по официальному предложению епископа Енисейского и Красноярского Евфимия в Красноярске было учреждено Енисейское церковно-

историко-археологическое общество, на открытие которого пригласили всех городских священников и преподавателей духовных учебных заведений. Председателем общества был избран ректор Красноярской духовной семинарии протоиерей Н. П. Асташевский, товарищем председателя – преподаватель епархиального женского училища И. В. Фигуровский, секретарем – помощник смотрителя Красноярского духовного училища В. А. Казанский [18, с. 14–15].

На этом же собрании только что избранному правлению поручили составить проект устава, организовать делопроизводство и установить связь с другими церковно-археологическими учреждениями. В начале декабря 1912 г. устав был утвержден епископом Евфимием [19, с. 1–3]. Основной целью нового церковно-историко-археологического общества в его уставе было названо «изучение церковно-религиозной жизни в пределах Енисейской епархии, обследование, охрана и собирание имеющих в пределах епархии памятников и предметов церковной старины и истории». Для достижения этой цели были обозначены следующие задачи: 1) изучение истории церковно-религиозной жизни в епархии; 2) систематизация материалов из церковных архивов; 3) сохранение старинных храмов, часовен, церковных сооружений, старинной церковной утвари и церковных документов; 4) устройство древлехранилища; 5) организация церковно-археологических чтений и лекций; 6) собирание и печатание материалов и трудов по церковной истории и археологии местного края [20, с. 3].

Кстати, в отличие от большинства епархий европейской России, сибирские церковно-исторические общества в деятельности по изучению и сохранению памятников старины имели в виду не только христианские древности, но и другие, и в том числе предметы и объекты, относящиеся к местным инородческим культурам. Этот факт иллюстрирует, в частности, выступление на собрании Енисейского церковно-историко-археологического общества в январе 1914 г. протоиерея И. В. Фигуровского, который призвал своих коллег не ограничиваться вещественными памятниками христианского происхождения, но и изучать материалы, относящиеся к религиям языческим, особенно широко представленные в минусинских степях в виде древних курганов, городищ и камней с рисунками и надписями [21, с. 10–12].

Далее, в том же выступлении, говоря о стоящих перед Енисейским историко-археологическим обществом задачах, И. В. Фигуровский указал на необходимость объединения всех местных культурных сил для изучения края: «Принимая во внимание малый процент культурных деятелей в Сибири, мы не можем не пожелать, чтобы наше общест-

во не было только ведомственным кружком, чтобы оно привлекло к себе всех, кому дороги прошлые судьбы Енисейского края» [21, с. 15]. Фактом, говорящим о том, что общество действительно пыталось привлечь к своей работе не только духовных лиц, стало избрание заведующим его древлехранилищем директора Красноярского музея А. Я. Тугаринова [22, с. 5]. Кстати, преподаватели духовных учебных заведений, являвшиеся членами общества, тоже не все имели духовного сана.

Правление церковно-историко-археологического общества сразу после его открытия активно приступило к работе. В специальной рубрике «Енисейских епархиальных ведомостей» стали регулярно публиковаться материалы по истории Енисейской епархии. Одними из первых были напечатаны весьма интересные по своему содержанию записки первого епископа Енисейского и Красноярского Никодима. Вскоре после создания общества при нем был образован редакционный комитет для осуществления издания полной истории Енисейской епархии, в которой предполагалось воссоздать картину церковной жизни края. Перед комитетом была поставлена задача собрать, по возможности, полные сведения с мест, для чего по всем приходам были разосланы опросные листы, в которых приходским священникам предлагалось указать сведения по истории их приходов, сохранности имеющихся там церковных и исторических памятников и другие [23, с. 1–3]. В феврале 1914 г. протоиерей М. Лотоцкий опубликовал в «Епархиальных ведомостях» своего рода инструкцию по изучению церковных памятников и документов для приходских священников [24, с. 14–16].

Но, к сожалению, с мест поступали очень скудные сведения, да и те были весьма далеки даже от минимальных требований. В итоге редакционный комитет церковно-археологического общества решил вместо большого ученого издания ограничиться составлением справочника с краткими сведениями обо всех приходах Енисейской епархии. В «Епархиальных ведомостях» снова было размещено напоминание о необходимости выслать материалы из отдаленных приходов. И опять, несмотря на энергичные обращения к причтам, некоторая часть из них так и не удосужилась прислать нужные справки. Редакционному комитету пришлось довольствоваться во многих случаях только клировыми ведомостями, которые довольно часто давали мало материала даже для справочника. И все же было решено напечатать хотя бы эту куцую информацию, поскольку продолжение собирания научных сведений грозило отложить издание еще на много лет. Правление общества рассудило, что «исправления и дополнения к существующему изданию сделать легче будущему исследователю

истории родного края, чем сызнова начинать всю работу» [25]. «Краткое описание приходов Енисейской епархии» было издано в Красноярске в 1916 г. И даже сегодня оно представляет собой собрание ценных сведений для историков.

Енисейское церковно-историко-археологическое общество пыталось взять на себя координацию деятельности отдельных священников – самостоятельных ученых-краеведов, осуществлять общее руководство их исследованиями. И, наверное, со временем оно весьма преуспело бы в этой работе, но события 1917 г. фактически остановили его деятельность. Последнее упоминание об этом обществе мы видим на обложке № 18 «Енисейских епархиальных ведомостей» за 1918 г. (в виде узкой типографской полоски под заглавием издания «Здесь церковно-археологическое общество»).

Подводя итоги, еще раз отметим, что в последней четверти XIX – начале XX в. деятельность значительной части духовенства Енисейской губернии уже далеко не ограничивалась рамками богослужений и исправления грех. Занятия общественной деятельностью, никак не относящейся к прямым служебным обязанностям, и в том числе деятельностью научно-исследовательской, становятся типичным явлением для наиболее образованной части духовенства.

В это же время большая часть низшего, малограмотного, приходского духовенства оставалась абсолютно индифферентной к новым культурным и научным веяниям. К примеру, в такой традиционной для духовного сословия сфере деятельности, как преподавание в церковно-приходских школах, многие священники по-прежнему выступали категоричными противниками включения в программу обучения хоть каких-нибудь элементов научного знания. На этой почве нередко происходили их столкновения с учительской интеллигенцией, активно выступавшей за реформирование церковно-приходского образования, приближение его к потребностям современной жизни.

Бесспорно, в отношении представителей Русской православной церкви к науке оставалось еще много специфических моментов: даже явно проникаясь научными вопросами, губернские священнослужители продолжали все так же рьяно защищать собственные ценности и далеко не всегда проявляли себя сторонниками новых веяний в науке, особенно если они затрагивали сами устои и догматы церкви (например, высшее красноярское духовенство весьма и весьма негативно отнеслось к открытию енисейского палеолита И. Т. Савенковым в 1880-х гг.). Несомненно, и Енисейское церковно-археологическое общество ориентировалось в первую очередь все-таки на христианские, церковные древности, а уже затем обращало некоторое внима-

ние на предметы инородческих культов, а исследования священников ограничивались тематикой в основном близкой к их профессиональным интересам: историей церковных приходов и памятников церковной архитектуры, старообрядчеством в Сибири и борьбой с ним, религиозными верованиями коренного населения и т. п. И лишь в отдельных случаях научные изыскания лучших представителей енисейского духовенства по местной истории, этнографии, лингвистике производились в целях решения конкретных, практических, насущных задач: просвещения коренных сибирских народов и защиты их от чрезмерной эксплуатации, общего улучшения системы образования русского крестьянского населения.

И все же наиболее образованная, наиболее социально активная и потому наименее догматически зашоренная часть духовенства Енисейской губернии, живо интересуясь всеми явными социально-экономическими и политическими изменениями в российской жизни конца XIX – начала XX в. и наблюдая воочию, как светская наука все сильнее

вторгается в духовную жизнь народа, изменяя само его мировоззрение, с огромным интересом занималась изучением местной сибирской истории, этнографии инородцев, издавна проживающих на территории губернии, и даже археологии, уже практически не связывая эту свою деятельность с вопросами религии и почти не оглядываясь на церковное начальство. Представители духовного сословия передали немало точных, тщательно собранных сведений Красноярскому подотделу РГО, Енисейскому губернскому статистическому комитету и другим местным научным обществам и музеям, сделав, таким образом, свой посильный добровольный вклад в развитие науки в Сибири. И хотя, на первый взгляд, этот вклад не так велик (особенно если сравнивать его с научной и исследовательской деятельностью губернской интеллигенции), однако, учитывая малочисленность этой, весьма влиятельной в тот период, части провинциального русского общества (а также и вообще очень малый процент образованных людей в Сибири), этот вклад никак нельзя игнорировать.

Список литературы

1. Доброновская А. П. Социально-культурная деятельность религиозных организаций в Енисейской губернии в 1900–1917 гг. // Власть и общество: проблемы взаимодействия и противостояния. Красноярск, 2007. С. 298–305; Доброновская А. П. Религиозная жизнь населения Приенисейского региона на переломе эпох (1905–1929 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2007. 236 с.; Иванова Е. А. К вопросу участия церковью Енисейской губернии в просветительной деятельности (конец XIX – начало XX вв.) // Церковь и государство: прошлое и настоящее. Красноярск, 2001. С. 29–33; Катцина Т. А. Приходская благотворительность в Енисейской губернии // Там же. С. 17–20; Терскова А. А. Духовное сословие Енисейской губернии второй половины XIX – начала XX вв. // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. 2010. № 1. С. 219–224.
2. Вдовин А. С. «Грешно не охранять старину!» (Сибирское духовенство и археология) // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. 2010. № 1. С. 205–213.
3. Дрибас Л. К. Образ жизни духовенства губернских и областных центров Восточной Сибири во второй половине XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2005. 26 с.
4. Харченко Л. Н. Научная и издательская деятельность православного духовенства Сибири во второй половине XIX в. – феврале 1917 г. // Вестник молодых ученых. Исторические науки. 2004. № 1. С. 29–37; Харченко Л. Н. Вклад священнослужителей в работу научных обществ Сибири (вторая половина XIX в.) // Клио. 2006. № 1. С. 135–144.
5. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXXXIII: Енисейская губерния. СПб., 1904. 185 с.
6. От Императорского Московского археологического общества // Енисейские епархиальные ведомости (ЕЕВ). 1888. № 15.
7. Кон Ф. Я. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877–1902 гг.). Казань, 1902. 260 с.
8. Дэвлет М. А. А. В. Адрианов как археолог. Первый период (1879–1900) // Очерки истории отечественной археологии. М., 1998. С. 167–186.
9. Изображения на плитах тагарских курганов / В. А. Семенов, М. Е. Килуновская, С. В. Красниченко, А. В. Субботин. СПб., 2003. 122 с.
10. Скопа В. А. История организации и деятельности региональной сети статистических служб Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2010. Вып. 9. С. 33–38.
11. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 674. Оп. 1. Д. 150.
12. Орехова Н. А. К истории изучения места падения Тунгусского метеорита по материалам И. М. Сулова. URL: <http://tungus-bolid.krasu.ru/node/154>
13. Поездка миссионера священника Сулова к устью реки Енисей // ЕЕВ. 1886. № 4. С. 57–60; № 5. С. 69–72; № 6. С. 83–86; № 7. С. 98–100; № 8. С. 106–110; Путевой журнал священника-миссионера Михаила Сулова при поездке к озеру Ессей // ЕЕВ. 1884. № 13. С. 182–186; № 15. С. 207–211; № 19. С. 262–269; № 20. С. 275–279; № 21. С. 292–296.
14. Путилов Н. Летопись Усинской миссии, находящейся на реке Усу // Сибирский архив. 1914. № 1. С. 27–40; № 2. С. 43–60; № 3–4. С. 91–106; № 5. С. 187–202; № 7–8. С. 324–352; № 9. С. 417–422; № 10. С. 458–467; № 11. С. 500–508; № 12. С. 545–551; 1915. № 1. С. 41–52; № 6. С. 287–294; № 7–9. С. 301–310; № 10. С. 452–474; Путилов Н. Урянхай или сойоты // ЕЕВ. 1886. № 11. С. 148–152; № 12. С. 156–159; № 14–15. С. 191–194; 1887. № 7–8. С. 101–104; № 11. С. 133–139 и др.

15. Орфеев Н. Брачные обычаи инородцев Минусинского округа // ЕЕВ. 1885. № 23. С. 365–369; Орфеев Н. Быт минусинских инородцев, каким он изображается в их поэмах // ЕЕВ. 1887. № 17. С. 212–217; Орфеев Н. Занятия, жилища и пища инородцев Минусинского округа // ЕЕВ. 1887. № 12. С. 149–153 и др.
16. Александров М. О религиозном миросозерцании минусинских инородцев // ЕЕВ. 1888. № 7. С. 78–81; № 8–9. С. 94–101; № 12. С. 155–157; № 13. С. 178–183; № 14. С. 198–201; № 15. С. 216–218; № 16. С. 230–232; № 17. С. 246–250; № 18. С. 266–271; Катанов Ф. Шаманский бубен и его значение // ЕЕВ. 1889. № 6. С. 112–114; Тьжнов П. Нагорная жертва минусинских инородцев // ЕЕВ. 1902. № 6. С. 190–192; № 12. С. 338–344 и др.
17. Богданов А. К вопросу об открытии церковно-археологического общества в епархии // ЕЕВ. 1911. № 19.
18. Открытие церковного историко-археологического общества // ЕЕВ. 1912. № 6.
19. Отчет Енисейского церковно-историко-археологического общества со дня его учреждения (с 11 марта 1912 г. по 1 января 1914 г.). Красноярск, 1914. 12 с.
20. Устав Енисейского церковно-историко-археологического общества. Красноярск, 1913. 8 с.
21. Фигуровский А. В. Задачи Енисейского церковно-историко-археологического общества // ЕЕВ. 1914. № 6. С. 9–16.
22. Заседание // Отклики Сибири. 1914. № 3.
23. Его преосвященству преосвященнейшему Никону, епископу Енисейскому и Красноярскому, правления Енисейского церковно-историко-археологического общества рапорт // ЕЕВ. 1913. № 22.
24. Лотоцкий М. Изучение памятников сельских церквей // ЕЕВ. 1914. № 7.
25. Краткое описание приходов Енисейской епархии. Красноярск, 1916. 243 с.

Хорина В. В., аспирант.

Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева.

Ул. Лебедевой, 89, Красноярск, Россия, 660049.

E-mail: horina@kspu.ru

Материал поступил в редакцию 16.02.2011.

V. V. Khorina

ABOUT THE ROLE OF THE ORTHODOX CLERGY IN THE STUDY OF THE YENISEI PROVINCE (LAST QUARTER OF THE 19TH – BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES)

In the last quarter of the 19th – beginning of the 20th centuries the most well educated part of the Orthodox clergy of the Yenisei province without confining their activity only official duties, and took part in the research of Siberia. This article is an attempt of analysis of the role of the Orthodox clergy in the study of Yenisei province, the primary themes of scientific studies of the Yenisei clergy and missionaries and their contribution on studies of the local history, ethnography and archaeology.

Key words: *Yenisei province, research of Siberia, the Orthodox clergy in Siberia, the scientific work of Orthodox clergy, the Yenisei church-historical-archeological society.*

V. P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University.

Ul. Lebedevoy, 89, Krasnoyarsk, Russia, 660049.

E-mail: horina@kspu.ru